

Неделя. - 1991. - 9-15 окт. (№ 50) - с. 18

ТАИНСТВЕННЫЙ

— Сейчас мне тридцать три. Я занимаюсь собой уже три года. Это очень тяжело, когда никто не помогает, не тащит. То, что у меня сейчас получилось, это итог трехгодовой каждодневной чумовой работы. Я не знаю, что такое отдых, отпуск, что такое лежать и смотреть телевизор спокойно, читать книги. У меня концерты, студии, съемки... Менеджерская работа еще...

— Что это за фильм, в котором ты снимаешься?

— «Князь Серебряный» по Алексею Толстому. Исполняю главную роль.

— Нравится сниматься?

— Интересно.

— Тебя больше знают по одной песне «Россия»...

— Десятью девять процентов моего репертуара не проявлено вообще. Проявилась всего одна песня «Россия». А все остальное находится под водой.

— То есть это уже все есть, но никак...

— Никак... «Родина» прозвучала полтретьего ночи в «Марафоне», когда уже все спали. Еще есть масса песен гражданского содержания. До недавнего времени вообще от меня передачи шарахались, как черт от ладана. И радио тоже. Получилось так, что я в общем лирический певец и пою только лирику. «Чистые пруды», «Любовь», и все. А основной мой репертуар не проявляется.

— Гражданский?

— Да. У меня так и программа строится. Восемьдесят процентов гражданских песен и двадцать — лирики, музыки.

— Ты ведь стихи сам пишешь?

— Да. И стихи, и музыку. Полная автономия.

— Ты считаешь, телохранитель для известного певца — это необходимость?

— Конечно. В нашей стране это предмет первой необходимости. Потому что на протяжении 73 лет идет война. А сейчас наступил апогей этой войны. Люди озверели все. Злые. Озверели оттого, что никто ни во что не верит. Еще великие говорили, что нация, лишенная веры, обречена на вырождение. То есть сначала у нас отняли веру в Бога — это породило бездуховность, бездуховность породила безнравственность, а безнравственность породила то, что мы видим вокруг, — вакханалию. Поэтому не охранять себя просто нельзя. В любой момент к тебе могут подойти, пинуть ножом, дать тебе по голове. Просто так...

— А были нападения?

— Нападения не было. Но неприятные моменты были в жизни. Но это еще тогда, когда у меня не было никого. Сам отбивался, как мог.

— Известности не было...

— Да, известности не было. А сейчас и того хуже. Сейчас и у дома могут встретить. Все, что

«А может быть, сегодня или завтра Уйду и я таинственным гонцом...»

Песня оказалась пророческой. Игорь Тальков ушел внезапно.

Война, с которой он мечтал вернуться в песнях,

оказалась настоящей.

Помню впечатление от его песни «Россия».

Может быть, впервые после

Высоцкого мы услышали

в песне — Слово.

Не всем это нравилось.

Что касается беседы с ним.

По-моему, это было первое его интервью для центральной печати. Но вышло оно к читателям сокращенным,

с купюрами.

Сегодня их можно и нужно

восстановить.

У нас любить умеют только мертвых... Кажется, и эта горькая мысль уже мало соответствует нашей действительности. Трагическая смерть Игоря Талькова только на мгновение распахнула перед нами страшный закулисный мир эстрадных подмостков. Сегодня все забыто. Человека убили на глазах у многих людей, а наказания никто не понес и, весьма вероятно, не понесет. О талантливом певце говорили и писали, постоянно оглядываясь на какие-то политические «моменты», построенные на слухах и домыслах. Так чего же удивляться тому, что происходит вокруг, если даже в такой ситуации мы не способны наказать убийцу, искренне сказать прощальное слово убитому...

ГОНИМЫЙ

удобно. Поэтому охранять себя необходимо.

— Ты москвич?

— Я москвич, но родом я не из Москвы. Москвичом считают того, у кого дед, прадед — москвичи. У меня дед — москвич коренной. И отец москвич. А я родился в городе Щекино Тульской области, потому что отец, после того как отсидел двенадцать лет при Сталине, не мог вернуться в Москву. Отец у меня с 1907 года рождения, он умер уже. Мои родители в Сибири, в зоне познакомились. Отец освободился в пятьдесят третьем, ему нельзя было проживать в Москве. А реабилитировали его в пятьдесят шестом. Но квартиру уже отобрали. Поэтому я и родился не в Москве.

— У тебя есть творческое кредо, девиз?

— Есть. Нужно делать то, к чему тянет тебя душа. Не делать ничего против нее. Не лезть то, что не хочется. Не писать о том, о чем не хочется.

— Но это значит обречь себя на тяжелую судьбу.

— Это жизнь. В этом есть тоже своя прелесть. Люди, которые получают все сразу, они, как правило, очень быстро сгорают. А так ты идешь, ты надеешься, веришь.

Ты знаешь, что у тебя должно получиться. Где-то светит звездочка, и ты к ней идешь, идешь, тянешься. Трудно, тяжело... Через ямы, через канавы... Но она светит, и ты к ней идешь. В этом тоже есть своя прелесть, хотя, конечно, трудно. Тем более в этой стране, где все направлено на то, чтобы хорошего человека, талантливого человека задавить, а гадость всякую вытащить на гребень. Здесь же все происходит против законов природы и против человеческих нормальных взаимоотношений.

— Я тоже считаю, что пока травка порастет, лошадка с голуду умрет.

— Конечно.

— Где истоки твоих песен?

— Эмоции. Приходит импульс, и от импульса уже начинается раскладка. Появляется мысль, потом она обрастает какой-то музыкальной фразой. Фраза обрастает мелодией. Так получается песня.

— А историческая тема?

— Историей интересуюсь давно. История нашей страны меня волнует. Особенно периоды революционные, предреволюционные и после.

Но я и екатерининскими време-

нами интересовался. О наших монархах много знаю...

Как ты считаешь, почему молодежь в основной своей массе аполитична? Где они, молодые? По домам, по барам? Если наше поколение более-менее было здорово, то новые поколения родились уже в апогее гражданской войны со своим народом. Они родились в то самое время, когда страна была уже просто истощена. И духовно, и физически. Поэтому их можно, конечно, понять, и им это можно простить. Но и направлять их, может, учить, заинтересовывать необходимо. У меня было уже много случаев, когда ко мне подходили фанаты «Ласкового мая», даже те, которые с зелеными косами. Подходили после исполнения «России» и говорили, что теперь «мы ваши фанаты». И у меня на концертах очень много молодежи. И вообще мои слушатели очень разные: от детей до бабушек и дедушек.

— У тебя были разочарования в жизни?

— Сплошные разочарования. Главное разочарование меня посетило в восемьдесят пятом году, когда я понял, что звездочка погасла, которая светила.

— Именно в восемьдесят пятом?

— Да, я понял, что ничего не добьюсь в этой жизни, что мне надо похоронить свое призвание и идти в таксисты. У меня даже песня была написана о призвании.

— С чем же это было связано? Вроде такой подъем был в обществе...

— У меня не было никакого подъема. Это была последняя попытка проявиться как автор-исполнитель. Никакой возможности не было прорваться. А дело в том, что у меня нет специального образования, корочек нет. У меня не было никаких званий. Я не член никакого союза. А тогда это было главное, чтобы иметь право выходить на сцену. Макаревич вот смог, но у него были силы. У него во первых, спец не простой, а во-вторых, он был членом Союза архитекторов, а это уж точно. В-третьих, у него очень талантливый, гениальный просто менеджер Ованес Мелик-Пашаев. Это человек с очень большими связями и со светлой головой. Он как-то смог...

А очень многие не смогли. Мой друг в Ленинграде, например, он просто спился, помирает. А талантлив был. Жил у нас в семьдесят

седьмом году познакомились в армии. Это был просто гений! Спился. Сейчас у него нет уже пороку, весь сгорел. И многие так... Или вот Рустам Султанов — певец, автор-исполнитель, который в восемьдесят шестом году стал дипломантом фестиваля «Золотой камертон». И что? Четыре года бьется, уже в условиях перестройки и гласности, — бесполезно. А мы говорим о восьмидесяти годах...

— Идеал женщины у тебя есть?

— Конечно, есть.

— Это конкретная женщина?

— Есть и конкретная женщина.

Я преклоняюсь перед Екатериной Второй. Я считаю ее выдающейся женщиной своей эпохи. В том, что ей припели советские историки, и одного процента правды нет.

— Ты имеешь в виду ее похождения? Моральный облик, так сказать?

— Вот я о морали и говорю. Она никогда не любила двух мужчин сразу. У нее за всю жизнь было всего семь любимых людей. Да, она влюбчива была, но влюблялась, как нормальный человек. У нее были друзья, много друзей, которых записали почему-то в любовники. Такое впечатление, что советские историки стояли со свечкой у ее кровати.

— У тебя есть пристрастия? Кроме музыки, разумеется...

— Машину люблю водить. Лошадей люблю. Я в свободное время на Ленинские горы езжу кататься. Редко у меня это получается... Историю люблю.

— Ты женат?

— Женат. Сыну девять лет. Ходит в школу, мучается. Трудно учиться ребенку, который не вписывается в законы нашего школьного образования. Он своеобразный. Занимается спортом. Слава Богу, к музыке не имеет никакого отношения.

— Как ты считаешь, почему у нас люди не следят за собой?

— Да людям сейчас все до фени. Настоящие люди устали от этой жизни. Потому что это не жизнь, это прозябание. Когда человек сидит в тюрьме, ему не приходит в голову бегать, заниматься спортом. Или в армии где-то гниет, в стройбате. Тут догадаться до кровати, лечь и умереть. Почему на Западе следят за собой, за своим здоровьем? Потому что они живут, они радуются, не испытывают потребности стоять в очередях, мучиться от нехватки. У них нет этих проблем.

— А ты был за границей?

— Я был в Чехословакии. И больше не хочу никуда.

— Разочаровался?

— Нет. Я просто увидел, как живут чехи, и подумал: «Если так чехи живут, то из Америки я просто приеду больным и никогда не выздоровлю». Нервная система у меня расшатана...

— Какой он, наш современник, в твоём представлении?

— Уставший, растерянный, замученный и обманутый. Но не все молодые такие. Я даже удивляюсь, откуда у десятиклассников, у этого несчастливого поколения, берется в душах что-то незамутненное. Они пытаются жить по-человечески, хотят полюбить жизнь и людей вокруг. Грязь еще не прилипла к ним. У них есть еще надежда какаля-то.

— Долго советскому року не давали хода. Теперь ворота открыты, и буквально лавина захлестнула все подмостки. А счастья нет, проблемы те же, и очень мало профессионалов...

— Хорошо, что дали ход. И рано или поздно на гребне останутся действительно талантливые и достойные исполнители. Это раньше можно было намеками, в приличной форме, «пощипыванием» сорвать аплодисменты. Сейчас это «пощипывание» никого не трогает. Сейчас нужно либо в лоб сказать, что думаешь, либо согласиться, что ты вообще не занимаешься творчеством.

Сейчас я еще не могу себе позволить исполнять все то, что я хочу. За это можно пострадать. Может сбить машина, могут избить. Но если я до конца все спою, то... Поэтому сказать, что у нас свобода слова, нельзя. Поэтому многие и не разрабатывают темы, на которые я пою. Три года меня родные и близкие умоляли не делать этого. Мама просто заставляла поклоняться, что не буду петь...

Ю. ЗАВАДА,
Фото Юрия ЛУНЬКОВА.